

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(5), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Хозяйственная деятельность промышленной кооперации Воронежской губернии в 1924—1928 годах / Г. С. Махрачев // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 486—503. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-486-503.

Makhrachev, G. S. (2026). Economic Activities of Voronezh Province's Handicraft Cooperatives, 1924—1928. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 486-503. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-486-503. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Хозяйственная
деятельность
промышленной кооперации
Воронежской губернии
в 1924—1928 годах**

Махрачев Георгий Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8279-243X
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории и философии
mahrachova@mail.ru

Тамбовский
государственный университет
имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

**Economic Activities
of Voronezh Province's
Handicraft Cooperatives,
1924—1928**

Georgy S. Makhrachev
orcid.org/0000-0002-8279-243X
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History
and Philosophy
mahrachova@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей хозяйственного уклада промысловых объединений аграрного региона. Источниками выступили документы региональных архивов, а также опубликованные делопроизводственные материалы, периодические издания и сведения справочного характера. Рассматриваются вопросы периодизации развития промысловой кооперации в годы нэпа. Автор приходит к выводу о том, что к 1923 году в кооперативном движении сложилась кризисная ситуация, связанная с распространением лжекооперативных организаций, а также неспособностью местных властей в полной мере контролировать ситуацию в этой области экономики. Показано, что рост числа промысловых кооперативов с 1924 года напрямую был связан с успешной государственной политикой стимулирования. Подчеркивается, что последняя была обусловлена как хозяйственной целесообразностью — необходимостью снизить отрицательные последствия крупных недородов 1924 года, — так и идеологическими установками — обязательствами реализации ленинского кооперативного плана. Автор утверждает, что неспособность существовавшего губернского смешанного союза обеспечить интересы стремительно увеличивавшегося числа промысловых кооперативов привела к появлению в 1927 году специального союза. Доказано, что новое объединение на первых этапах своего существования столкнулось с серьезными сырьевыми, сбытовыми и финансовыми сложностями, что негативно влияло на темпы кооперативного строительства.

Ключевые слова:

нэп; промысловая кооперация; кустарно-промысловый союз; кустарь; Воронежская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the distinctive features of the economic structure of handicraft cooperatives in an agrarian region. The research is based on documents from regional archives, as well as published administrative materials, periodicals, and reference data. The study addresses the periodization of the development of handicraft cooperation during the New Economic Policy (NEP) years. The author concludes that by 1923, a crisis had emerged within the cooperative movement, characterized by the proliferation of pseudo-cooperative organizations and the inability of local authorities to effectively regulate this sector of the economy. It is demonstrated that the increase in the number of handicraft cooperatives starting in 1924 was directly linked to successful state policies aimed at stimulating their growth. This policy was driven both by economic necessity—specifically, the need to mitigate the adverse effects of the significant crop failures of 1924 — and by ideological commitments to implement Lenin's cooperative plan. The author argues that the failure of the existing provincial mixed union to adequately represent the interests of the rapidly growing number of handicraft cooperatives led to the establishment of a specialized union in 1927. Furthermore, it is shown that this new association faced substantial challenges related to raw material supply, marketing, and financing in its initial stages, which negatively impacted the pace of cooperative construction.

Key words:

New Economic Policy; handicraft cooperation; artisanal union; artisan; Voronezh province.

Хозяйственная деятельность промысловой кооперации Воронежской губернии в 1924—1928 годах

© Махрачев Г. С., 2026

1. Введение = Introduction

История нэпа по сей день является актуальной темой для исследования, храня в себе уроки, понимание которых необходимо для дальнейшего гармоничного развития российского государства. Нэп пришел на смену многочисленным социальным потрясениям рубежа 1910—1920-х годов, продемонстрировав в политической сфере важность торжества прагматического подхода над сугубо идеологическим, а в экономической — возможность сочетания командно-административных методов управления с рыночной инициативой для выхода из глубокого хозяйственного кризиса. Однако по-прежнему дискуссионными остаются вопросы о причинах и целесообразности свертывания этой либеральной модели в конце 1920-х годов. Для ответа на указанные вопросы необходимо углубление понимания тенденций, складывавшихся в экономике к этому времени. Данная статья посвящена изучению хозяйственной деятельности промысловой кооперации накануне «великого перелома», а также выявлению ее роли в экономике Воронежской губернии.

Вопросы развития промысловой кооперации находились на периферии советской исторической науки. Некоторые попытки осмыслить эти явления предпринимались еще современниками, что было обусловлено либеральными тенденциями нэпа. Б. Р. Фромметт в своей работе указал на расширение кооперативной сети и повышение темпов механизации производства к концу десятилетия. Причем акцент был сделан на высокой эффективности кооперативов с общей мастерской [Фромметт, 1927, с. 57—59]. В. А. Тихомиров выявил положительные примеры социалистических соревнований среди кооперативных союзов [Тихомиров, 1929, с. 11]. П. И. Василевский и Е. И. Шлифтейн соотнесли степень распространения разных видов промысловых кооперативов, изучили специфику социального расслоения в среде мастеров, рассмотрели особенности приобретения сырья и реализации готовой продукции. Ими были выявлены как отрицательные стороны кооперирования, связанные со слабой обеспеченностью

сырьем, так и положительные — рост доходов мастеров и механизация производства [Василевский и др., 1930, с. 54, 124, 193, 280].

Вновь интерес к теме возник в конце 1950-х годов и был связан с проводившимися в стране реформами. В своей опубликованной в 1957 году монографии П. И. Яковлев утверждал, что советское государство в 1920-х годах оказывало промысловым объединениям «всевозможную помощь кредитом, сырьем, оборудованием, кадрами», способствуя, таким образом, кооперированию населения [Яковлев, 1957, с. 19]. А. И. Бузлаева отметила резкий спад кооперативного движения в 1923 году, указав, что «многие кооперативы оказались не способны вести хозяйство в трудных условиях 1923—1924 годов» [Бузлаева, 1969, с. 61]. Последовавшее с 1924 года «оздоровление и укрепление» промысловых объединений ученый связывал с налоговыми послаблениями, целевым кредитованием, плановым снабжением сырьем. А. Ф. Чумак видел причины кризисного явления 1923 года в борьбе советской власти против частного капитала, связавшего лжекооперативную паутину. Дальнейший рост кооперативного движения обусловливался усилением партийной работы в кустарной среде [Чумак, 1967, с. 63, 65]. В. А. Архипов и Л. Ф. Морозов рассматривали промысловую кооперацию как средство вовлечения мелких товаропроизводителей в социалистическое строительство. По их мнению, кооперация способствовала улучшению материально-технической базы производства и повышению благосостояния мастеров [Архипов и др., 1978, с. 204—206].

В конце 1980-х вновь под влиянием реформ актуальность данной темы возросла. Однако в этот раз ученые делали акцент не на высокой эффективности советской политики, а, наоборот, на ее критике. И. А. Козлов отмечал, что кооперированные кустари, уйдя от капиталистического угнетения, становились объектом государственной эксплуатации. Государство же в первую очередь руководствовалось собственными интересами, а не стремлением улучшить быт мастеров [Козлов, 1990, с. 80, 82]. О. Н. Елютин упоминал о множестве негативных последствий, связанных с попытками власти регулировать кооперативное строительство. Среди них низкий уровень подготовки управленческого аппарата, излишняя бюрократизация, слабая финансовая база [Елютин, 1998, с. 46]. По мнению Л. Е. Файна, с 1925 года началось последовательное наступление партии на автономность кооперации «с целью заставить реализовать утопические и авантюристические проекты» [Файн, 2002, с. 472].

Постепенно оценки отечественных историков становились все менее тенденциозными. Так, В. Г. Егоров указывал на то, что до 1923 года кооперация сохраняла демократические принципы работы. Однако под дальнейшим влиянием партии произошла ее трансформация «в средство

социалистического, планового переустройства мелкотоварного промышленного уклада» [Егоров, 2005, с. 259]. А. А. Николаев отмечал, что в кооперативной среде в годы нэпа имело место совмещение высокой степени экономических свобод с чрезвычайной ролью государственного аппарата. В 1924 году государство признало самостоятельный статус промысловой кооперации, содействовало ее дальнейшему организационно-хозяйственному укреплению, но в то же время активно боролось с частнокапиталистическим укладом [Николаев, 2007, с. 129, 134]. О. В. Ягов, изучая специфику Поволжья, считал переломным моментом в развитии промысловой кооперации 1924—1925 годы. Именно с этого момента была организована целенаправленная поддержка кооперации со стороны государства, что привело к укреплению ее хозяйственного положения, а следовательно, и улучшению благосостояния ее членов [Ягов, 2008, с. 176, 194]. По мнению А. Ю. Давыдова, в 1925 — начале 1926 года промысловая кооперация получила ряд льгот, однако уже с 1926 года началась ускоренная социалистическая реконструкция, когда хозяйственная целесообразность уступила место идеологическим догмам [Давыдов, 2011 с. 157, 175, 181—182].

Среди современных работ, опубликованных в периодических изданиях, внимания заслуживают статья Е. В. Бородулиной, в которой указывается, что «за 1926—1929 годы промысловая кооперация Сибири превратилась в самостоятельную систему» [Бородулина, 2020, с. 312], и статья С. А. Семиной, отразившая последовательное укрепление Иркутского кооперативного кустарно-промыслового союза в 1926—1929 годах [Семина, 218, с. 236—237].

Таким образом, многие историки пытались определить периодизацию развития промысловой кооперации в годы нэпа, указывая в качестве промежуточной границы разные даты: 1923, 1924, 1925 и 1926 годы. По-прежнему остается открытым вопрос о том, была ли политика советских властей в рассматриваемый период в большей степени обусловлена идеологическими или хозяйственными факторами. Кроме того, обозначившаяся в последние годы тенденция изучать региональную специфику развития промысловой кооперации не затронула Центрально-Черноземный регион, частью которого являлась Воронежская губерния. Данная статья призвана восполнить существующие в отечественной историографии пробелы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ввиду дискуссионности вопроса о периодизации кооперативного строительства в 1920-х годах необходимо аргументировать выбранные для данной работы хронологические рамки. Нижняя граница исследования — 1924 год, когда в губернии после нескольких лет спада начался активный

рост числа зарегистрированных промысловых кооперативов. Верхняя — 1928 год, что связано как с административно-территориальными изменениями, а именно — упразднением Воронежской губернии и образованием Центрально-Черноземной области, так и с начавшимся переходом к ускоренной индустриализации страны.

К работе привлекались документы, сохранившиеся в Государственном архиве Воронежской области. Это материалы, повествовавшие о борьбе губернского исполнительного комитета (ГИК) с неурожаем, а также доклады и отчеты губернского совета народного хозяйства (ГСНХ) о темпах кооперативного строительства. Немаловажное значение для исследования имели сведения о работе Воронежского губернского союза промысловой кооперации (кустпромсоюза), отраженные в источниках из Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области. С одной стороны, это отчеты и доклады, подготовленные правлением союза, а с другой — материалы внешнего обследования. Эти документы позволили сравнить разные точки зрения на состояние этого объединения. В ходе работы использовались также опубликованная делопроизводственная документация, справочные сведения и периодические издания.

Фундаментом исследования являлись следующие специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный. Благодаря первому было выявлено влияние государственной политики на положение промысловой кооперации, а также прослежены изменения в организации хозяйственной деятельности этих объединений. Второй позволил сопоставить формы союзных объединений губернского уровня, существовавшие в 1924 и 1928 годах. На основании третьего промысловая кооперация была представлена как целостная структура с присущей только ей логикой развития. Кроме того, была изучена специфика взаимодействия этой структуры с внешней средой — местными органами власти.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Кризисные явления 1924 года

С 1922 года центром объединения воронежских промысловых кооперативов являлся губернский союз кредитных, сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов (губкредитпроизводсоюз). В профильном центральном периодическом издании «Вестник промысловой кооперации», в обзорной статье, посвященной промысловой кооперации Воронежской губернии, Н. Н. Старов дал такую характеристику этому союзу: «По примеру слившихся союзов других губерний и губкредитпроизводсоюз кустарно-промысловой работе уделял минимальное внимание; кустарно-промысловая

кооперация замирала и к 1924 году замерла окончательно» [Старов, 1925, с. 33]. Данные статистики убедительно подтверждали тезис Старова о резком снижении темпов кооперативного строительства. Согласно реестрам ГСНХ, в 1921 году в губернии было зарегистрировано 125 кустарных объединений, в 1922 — 23, в 1923 — 4 [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 3637, л. 25 об.].

О кризисных тенденциях свидетельствовали также результаты ревизии, организованной ГСНХ в 1924 году в соответствии с принятой СНК РСФСР «Инструкцией о пересмотре промыслово-кооперативных товариществ и их союзов». Оказалось, что подавляющее большинство зарегистрированных кооперативов, число которых достигло 661 (часть из них, хоть и меньшая, к рассматриваемому моменту была уже упразднена), были не в состоянии подтвердить свою промысловую деятельность [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2412, л. 77]. Важно заметить, что обозначенные проволоочки были связаны не только с халатностью кооперативов, но и со скудностью местных бюджетов, не позволявших большим тиражом опубликовать списки непорегистрированных объединений [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2411, л. 31]. В это же время в губернии функционировало множество кустарных объединений, которые не были отражены в официальных реестрах ГСНХ [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2412, л. 77]. В частности, даже губкредитпроизводсоюз числился только в губернском финансовом отделе, а документы на регистрацию в ГСНХ подал лишь после публикации «Инструкции» [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2411, л. 42].

В 1924 году в структуру губкредитпроизводсоюза входило 4 районных союза: 1) Павловский, включавший 1 первичный промысловый кооператив, 2) Валуйский — 3 кооператива, а также 1 объединение, чей устав проходил процедуру регистрации, 3) Острогожский — 2 находившихся в процессе регистрации кооператива, 4) Новохоперский, в котором промысловые кооперативы отсутствовали. То есть в составе губкредитпроизводсоюза функционировали 7 первичных кооперативов, 4 из которых были зарегистрированы, а 3 ждали официального утверждения своих уставов [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2412, л. 77 об.].

1924 год ознаменовался масштабными недородами, поразившими многие регионы страны. Центральные власти, приступая к ликвидации последствий этого природно-климатического бедствия, уделяли должное внимание необходимости поддержки кустарной промышленности, которая обеспечивала крестьян необходимыми для сельскохозяйственных работ орудиями труда, а также служила дополнительным источником средств к существованию для многих ориентировавшихся в первую очередь на земледелие сельчан. Было принято решение оказать поддержку следующим регионам: Воронежской, Саратовской и Царицынской губерниям, а

также АССР Немцев Поволжья, где по приблизительным оценкам проживало около 600 000 кустарей.

3.2. Специфика реализации кредитной кампании по поддержке кустарей

Посредниками в реализации государственной политики стимулирования кустарного производства должны были стать местные кооперативные союзы. В Воронежской губернии, как уже было отмечено, таковым являлся губкредитпроизводсоюз. Первоначально планировалось выделить кредит в размере 175 000 руб. на производство 10 000 пар кожаных сапог, 5 000 штук деревянного обода, 30 000 кубических аршин экспортной клепки, что позволило бы загрузить работой 1 000 мастеров [Прянишников, 1924, с. 15].

В конечном итоге размер кредита был определен в 125 000 руб., а остальные средства образовали резервный фонд [Мероприятия ..., 1924, с. 21]. Указанная сумма ассигновалась двумя путями: 1) через Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк) было выделено 85 000 руб., из которых а) 15 000 руб. — из его собственных средств, б) 31 000 руб. — из средств Особой секции Комитета содействия сельскому хозяйству при ВЦИК, в) 39 000 руб. — из средств Государственного банка (Госбанка), 2) через Средне-Черноземное общество сельскохозяйственного кредита было предоставлено 40 000 руб. из средств Центрального сельскохозяйственного банка [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 38]. Кредиты последнего были отпущены уже в октябре 1924 года, а Всекобанк затянул время оформления договоров на месяц, так что требовавшиеся для работы деньги поступили на места только в начале декабря [Воронежская губ. ..., 1924, с. 26]. Согласно установленному центром итоговому плану на выделенные средства воронежские мастера должны были изготовить 12 000 пар кожаных сапог, 3 600 штук деревянного обода, 15 000 кубических футов французской клепки [Старов, 1925, с. 34].

Реализация полученных воронежскими мастерами кредитов с первых дней сопровождалась осложнениями. Так, остро проявила себя типичная для кустарной среды проблема сырья. Кооперативные деятели жаловались на то, что при распределении делянок приходилось конкурировать с располагавшей огромными финансовыми средствами Государственной экспортно-импортной торговой конторой (Госторг). В результате полученный по остаточному принципу лес был зачастую негоден для производства кустарных изделий [Там же, с. 35]. Был даже зафиксирован случай, когда Анненское лесничество отпускало кооперативам лес с 15 % надбавкой [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 10]. ГИК одобрительно отнесся к предложению кооператоров о внедрении для промысловых объединений права приобретать лес без торгов. Кроме этого, Госторгу было рекомендовано

привлекать к своим заготовкам не частных, а кооперативные организации [Старов, 1925, с. 35].

Губернский земельный отдел (ГЗО) и входивший в его состав лесной подотдел в свою очередь настаивали на том, что в случае организации льготного отпуска делянок для кооперативов возникал риск потери такого крупного потребителя, как Госторг. А деятельность губкредитпроизводсоюза была охарактеризована как «временная, построенная на незначительных ассигнованиях Комиссии Рыкова» и не представлявшая значительного интереса с точки зрения государственных доходов. Но самое интересное, что ГЗО настаивал на необходимости сосредоточить кредитные средства не в кооперативной среде, а в «руках государственных специальных лесозаготовительных органов», то есть в своих собственных, получив, таким образом, контроль над мастерами [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 13 об.]. Частично разрешить конфликт удалось лишь к началу 1925 года [Там же, л. 38 об.].

Сырьевая проблема была не единственным препятствием для осуществления государственных стимулирующих мер. Оказалось, что из-за слабой связи губкредитпроизводсоюза с промысловыми кооперативами к концу 1924 года в его состав входило всего два объединения, способных приступить к реализации поступивших кредитов. Это Бутурлиновская артель сапожников «Труд» и Калачеевская артель сапожников «Надия». Перед руководством союза возникла дилемма: стоит ли в спешном порядке организовать новые промысловые объединения или прибегнуть к посредничеству первичных кредитных кооперативов, работавших в том числе с кустарями. Ситуацию усложняла необходимость привлекать к работе только организации с высоким балансом, которого у новообразовавшихся кооперативов, очевидно, быть не могло. После обсуждений было принято и воплощено в жизнь решение организовать промысловые артели при уже действовавших кредитных кооперативах [Старов, 1925, с. 34].

Определенные сложности возникли и со сбытом продукции. Для просушки клепки и ее последующей продажи требовалось много времени. Кроме того, для большей доходности мероприятия было принято решение изготовить 167 000 штук русской клепки из утилизационных отходов дерева, оставшегося от производства французской клепки [Старов, 1925, с. 34; ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 38 об.]. Следует отметить, что разница в единицах учета русской и французской клепки объяснялась тем, что для внутреннего рынка за основу бралась штука, а для экспорта — вес одного кубического фута сухой дубовой древесины [Песоцкий, 1928, с. 34]. Проблемы со сбытом возникли и в области сапожного промысла, так как окончание производственных работ пришлось на весенне-летнее время, когда спрос, а соответственно, и цена на эту продукцию упали [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 38 об.].

1925 год подобно предыдущему оказался для Воронежской губернии неурожайным. В целях смягчения продовольственного кризиса в Бобровском, Новохоперском и Усманском уездах были организованы «голодные» общественно-мелиоративные работы. Платой за работу служили жмых, мука и крупа, выдававшиеся с государственных складов. Примечательно, что многие местные кустари, спасаясь от голода, были вынуждены оставить свою промысловую деятельность и переориентироваться на «голодные» работы [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 1138, л. 44]. Сохранявшаяся острота продовольственного вопроса, а также успешное (на 95 %) выполнение мастерами плана по изготовлению продукции на выделенные кредиты при длительных сроках ее реализации подтолкнули местные органы власти обратиться к центру с предложением увеличить время возврата кредита с 1 года до 5 лет. Утверждалось, что в противном случае существовал риск развала губкредитпроизводсоюза и дальнейшего упадка промысловой активности населения [Там же, л. 46—46 об.]. Центральные власти утвердили прошение, о чем свидетельствовали документы о возвращении ссуды вплоть до 1930 года [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 1453, л. 40].

3.3. Рост кооперативного движения в среде кустарей

Множество проблем, возникавших вокруг выполнения плана по изготовлению изделий на отпущенные кредиты, не могли затмить положительного эффекта от этого мероприятия. В губернии росла промысловая активность населения и расширялась кооперативная сеть. 1 мая 1925 года в состав губкредитпроизводсоюза входило 130 первичных кооперативов с 28 092 членами. Из них 12 кустарно-промысловых объединений охватывали деятельность 480 мастеров. Еще 23 кооператива имели кредитно-промысловый характер и насчитывали 1 960 членов. Благодаря выделенным кредитам к обозначенному моменту работой были нагружены 1 506 мастеров из 19 кооперативов [ГАВО, ф. Р-10, оп. 1, д. 852, л. 25—27]. Отметим, что приведенные статистические данные совпали с опубликованными материалами «Вестника промысловой кооперации» [Работа ..., 1925, с. 30].

В связи с возросшим масштабом операций по заготовке и сбыту кустарных изделий в составе губкредитпроизводсоюза был образован кустарно-специальный отдел, функционировавший в двух направлениях. Первое было связано с сельскохозяйственными объединениями, а второе — с кустарно-промысловыми [Воронежский ..., 1926, с. 75]. При нем существовал склад кустарных изделий и специальных культур [Воронежский ..., 1927, с. 6]. Специалистами отдела было обследовано 20 промысловых кооперативов, а также инициировано создание 7 промысловых и 1 кредитно-промыслового. Даны заключения по уставам 37 вновь образовавшихся объединений местных мастеров. Проработаны сметы по креди-

там, востребованным для оживления кустарного производства [Воронежский ..., 1926, с. 77].

Красной линией через все документы проходил тезис о росте кооперативного движения в среде кустарей с 1924 года. В отчете губкредитпроизводсоюза говорилось о том, что 1 октября 1924 года в губернии функционировало 32 кооператива с 480 членами, а 1 октября 1925 года — уже 85 кооперативов с 1 747 членами [Там же]. Однако приведенные союзом данные можно подвергнуть сомнению. В нескольких независимых друг от друга источниках указывалось, что в течение 1924—1925 финансового года было зарегистрировано 52 промысловых кооператива, охватывавших 2 342 членов [Отчет ..., 1926, с. 134; ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 3637, л. 26 об. — 27 об.; Там же, д. 2237, л. 27 об.,—43]. Путаница в количественных показателях была обусловлена слабым кадровым аппаратом статистиков, распространенностью лжекооперативных организаций, а также растянувшимся на несколько лет выполнением «Инструкции о пересмотре промыслово-кооперативных товариществ и их союзов». Так, 11 марта 1925 года ВСНХ РСФСР разослал своим местным отделам циркуляр с требованием в срочном порядке закончить перерегистрацию и передать в центр актуальные статистические сведения [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2411, л. 131]. Вслед за этим Воронежский ГИК 23 июня издал постановление, обязывавшее все местные кооперативы предоставить в трехмесячный срок сведения о своей хозяйственной деятельности [Там же, л. 189].

Данные об обстоятельствах регистрации 52 промысловых кооперативов в источниках разнились. В докладе ГСНХ указывалось, что это число установлено по результатам выполнения «Инструкции» центра, то есть всего 52 кустарных объединения прошли перерегистрацию и официально функционировали в губернии на 1 октября 1925 года. Там же значилось, что к 1 июля 1926 года их число выросло до 82, а к 1 января 1928 года — до 173 [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 3637, л. 28—28 об.]. По данным губернского статистического бюро, 52 кооператива — это новые организации, которые прибавились к ранее существовавшим. То есть 1 октября 1924 года действовало 8 кооперативов, в течение следующего финансового года было зарегистрировано еще 52 и упразднено 12, так что к 1 октября 1925 года их число равнялось 48. Далее в течение 1925—1926 годов был зарегистрирован 41 кооператив и ликвидировано 20, а потому на 1 октября 1926 года их число равнялось 69 [ГАВО, ф. Р-56, оп. 1, д. 2237, л. 27 об. — 28]. Эти расхождения не отменяют тезиса о росте кооперативного движения.

3.4. Особенности хозяйственной деятельности кулспромсоюза

24 августа 1925 года «с целью, как облегчения регулирования мелкой и кустарной промышленности через кооперативные объединения, так и

снабжением сырьем, средствами производства и кредитом, организованным путем» ГИК принял постановление о необходимости учреждения кулспромсоюза [Там же, л. 64]. По данным ГСНХ, губкредитпроизводсоюз не поспевал за темпами кооперативного строительства в среде кустарей. Если 1 июля 1926 года общее число действовавших в губернии промышленных объединений равнялось 82, то смешанный союз включал в свой состав только 9 из них [Там же, д. 3637, л. 28]. Остальные же функционировали бесконтрольно и могли приобретать в процессе работы лжекооперативный уклон [Там же, д. 3142, л. 61].

Организация нового специального союза затянулась. Учредительное собрание уполномоченных прошло 7—8 марта 1927 года [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1343, л. 1]. Кулспромсоюз начал свою операционную деятельность исключительно на заемные средства [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 2]. В качестве долгосрочных кредитов со стороны ГИК было предоставлено 30 000 руб., губкредитпроизводсоюза — 10 000 руб., «Центра» — 15 000 руб. Краткосрочные ссуды были выделены Госбанком в размере 40 000 руб., Коммунальным банком — 30 000 руб., Воронежским губернским обществом сельскохозяйственного кредита — 25 000 руб., Всекобанком — 20 000 руб. Еще 15 000 руб. являлись пролонгированным остатком от средств, выделенных в 1924 году комиссией А. И. Рыкова. Таким образом, 185 000 руб. были заемными. И только 6 142 руб., образованные за счет паевых взносов, были собственными средствами союза. Кроме того, «Центром» было отпущено 10 000 руб. «бедняцких кредитов» первичным кооперативам [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1343, л. 5—5 об.].

Помимо финансовых ссуд в распоряжении кулспромсоюза были также товарные. Первоначально это были кожи. Местным отделением кожевенного синдиката было выделено товара на сумму в 15 000 руб., а Всероссийским союзом промышленной кооперации (Всекопромсоюз) — на 50 000 руб. Однако доставка товаров из Москвы в Воронеж обходилась дорого, что ставило союз в тяжелое положение.

Поскольку кулспромсоюз был учрежден в середине операционного года, он не попал в план снабжения соответствующих учреждений, а потому организация заготовки сырья и полуфабрикатов стала первоочередной сложной задачей. Крайне остро сырьевая проблема обозначилась в широко распространенном деревообделочном промысле. Заключенные союзом договоры с лесозаготовительным трестом (лесзаг) и Юго-Восточной железной дорогой (ЮВЖД) на поставку древесины объемом в 10 500 кубометров не были выполнены в срок [Там же, л. 3]. Более того, руководство союза критически относилось и к предполагаемым срокам вексельного кредитования. Лесзаг и ЮВЖД определяли это время в 90 дней, тогда как на

реализацию готовой продукции требовалось порядка 210—240 дней. Союз был вынужден закупать лесные материалы у государственных учреждений по завышенным ценам. По итогу к концу 1927 года из 8 действовавших в его составе деревообделочных кооперативов с 576 членами работой были нагружены только 2 кооператива со 100 кустарями [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 8].

Готовая продукция сбывалась кустрпромсоюзом на договорных началах другим кооперативным организациям, а также государственным предприятиям и учреждениям. Так, со Всекопромсоюзом был заключен договор на сбыт обувной продукции, с губкредитпроизводсоюзом — железных изделий, с Ленинградским отделом коммунального хозяйства — кроватей, с сахарным трестом — тяпок и копачей, с ЮВЖД — гжельского кирпича, с Народным комиссариатом почт и телеграфов — поясов и палаток, с Всеукраинским союзом промысловой и промыслово-кредитной кооперации — экспортного обода и клепки для спиц. Но реализовать продукцию таким образом получалось не всегда [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1343, л. 4 об.]. Мощный губернский союз потребительских обществ, считавший кустрпромсоюз «очень молодой организацией», всячески уклонялся от коммерческих отношений [Там же, л. 28—29].

В распоряжении кустрпромсоюза было также два оптово-розничных магазина. Магазин № 1 имел кожевенно-обувную направленность, а магазин № 2 — деревообделочную [Там же, л. 31]. Они были предназначены как для членов союза, так и для сторонних потребителей. Причем торговля производилась не только изделиями собственного производства. В частности, более 50 % щепного товара было привозным. Обороты магазинов неуклонно росли, принося союзу столь важный на первых этапах его существования доход. В мае 1927 года функционировал только один магазин, чей оборот составил 11 156 руб., а к ноябрю эта цифра увеличилась в 10 раз и в сумме для двух магазинов равнялась 104 760 руб. [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 9—10].

Бухгалтерская работа в союзе велась с недочетами в области как актива (не были выделены в самостоятельный счет материалы на складе, в переработке и для сбыта), так и пассива (по счету кредиторов не были выделены в особый счет члены союза, кооперативные центры, государственные органы и т. д.). Более того, согласно уставу отчет за 1926—1927 операционно-хозяйственный год должен был быть сформирован в течение двух последующих месяцев, то есть к 1 декабря. Однако даже к концу декабря был составлен только ориентировочный баланс на 1 октября. Тем не менее промежуточные отчеты свидетельствовали о росте баланса с 40 000 руб. на 1 апреля до 460 464 руб. на 1 октября [Там же, л. 1].

Слабые стартовые финансовые возможности вынуждали правление аккуратно относиться к объединению первичных кооперативов. При приеме артелей в члены куспромсоюза в течение месяца изучал их финансовую мощность, выявлял качество производившихся изделий, а также знакомился с личным составом [Там же, л. 5]. На момент своего создания в апреле 1927 года союз охватывал только 16 наиболее сильных промысловых кооперативов с 1 444 членами [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1343, л. 22—23]. Постепенное организационное укрепление способствовало дальнейшему расширению, так что 1 декабря 1927 года в его составе находилось уже 37 кооперативов с 2 175 членами [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1344, л. 5]. Однако даже правление союза признавало такие темпы кооперирования слабыми, так как, по приблизительным оценкам, в губернии в это время действовало около 60 000 кустарей [ГАОПИ ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1343, л. 25].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, к началу 1924 года кооперативное движение в среде воронежских кустарей практически замерло. Правление губкредитпроизводсоюза, являвшегося объединением смешанного характера, уделяло больше внимания находившимся в его составе кредитным кооперативам, чем промысловым. Подавляющая часть не включенных в союзную сеть промысловых кооперативов была не в состоянии подтвердить губернским властям свою производственную деятельность. В это же время несколько крупных регионов, включая Воронежский, охватили масштабные недороды. В целях поддержки крестьян, для которых кустарные промыслы зачастую являлись подспорьем для земледельческой деятельности, центральные власти организовали крупную кредитную кампанию. Однако предназначавшиеся кустарям средства распространялись в соответствии с ленинскими идеями через кооперативные организации, что закономерно привело к их росту и укреплению. Положительный эффект от этого мероприятия не смогли затмить даже конфликты между кооперацией и местными органами власти по организационным вопросам. Неспособность губкредитпроизводсоюза обеспечить интересы стремительно увеличивавшегося числа промысловых кооперативов привела к необходимости учреждения в 1927 году специальной организации — куспромсоюза. На первых этапах своего существования этот новый союз столкнулся с целым рядом сырьевых и бытовых проблем, а также оказался в полной зависимости от внешних кредиторов. В итоге правление союза было вынуждено целенаправленно удлинять время вступления для потенциальных кандидатов, что замедляло общие темпы кооперативного строительства. К началу 1928 года в его составе находилось менее 4 % всех проживавших в губернии кустарей.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Воронежская губ.* // Вестник промысловой кооперации — 1924. — № 12 (17). — С. 26.
2. *Воронежский губернский Союз кредитных, сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов («Губкредитсоюз»)*: Отчет собранию уполномоченных Союза за 1924—25 операционный год. — Воронеж: Типография губсоюза, 1926. — 80 с.
3. *Воронежский губернский Союз кредитных, сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов («Губкредитсоюз»)*: Отчет V-му собранию уполномоченных Союза за 1925—26 операционный год. — Воронеж: Типография губсоюза, 1927. — 122 с.
4. ГАВО — *Государственный архив Воронежской области*. Ф. Р-10. (Исполнительный комитет Воронежского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 852, 1138, 1453; Ф. Р-56 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Воронежского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Воронеж). Оп. 1. Д. 2411, 2412, 2237, 3142, 3637.
5. ГАОПИ ВО — *Государственный архив социально-политической истории Воронежской области*. Ф. 1 (Воронежский губернский комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 1343, 1344.
6. *Мероприятия по кустарной промышленности в связи с неурожаем* // Вестник промысловой кооперации — 1924. — № 10—11 (15—16). — С. 21.
7. *Отчет о работе Воронежского губисполкома XIII-го созыва: XIV-му губернскому съезду советов* — Воронеж: Издание губисполкома, 1926. — 240 с.
8. *Песоцкий А. Н.* Бочарное производство / А. Н. Песоцкий. — Ленинград: Государственное издательство, 1928. — 190 с.
9. *Прянишников В.* Мероприятия промысловой кооперации / В. Прянишников // Вестник промысловой кооперации — 1924. — № 9 (14). — С. 15.
10. *Работа кооперации Воронежской г. В области кустарной промышленности* // Вестник промысловой кооперации — 1924. — № 1—2 (18—19). — С. 29—30.
11. *Старов Н. Н.* Кустарная промышленность Воронежской губернии / Н. Н. Старов // Вестник промысловой кооперации — 1925. — № 3 (20). — С. 32—35.

Литература

1. *Архипов В. А.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле 20-е — начало 30-х годов / В. А. Архипов, Л. Ф. Морозов. — Москва: Мысль, 1978. — 263 с.
2. *Бородулина Е. В.* Промысловая кооперация Сибири на исходе новой экономической политики (1926—1929 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 298—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318.
3. *Бузлаева А. И.* Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва: Наука, 1969. — 175 с.
4. *Василевский П. И.* Очерки кустарной промышленности СССР / П. И. Василевский, Е. И. Шлифштейн. — Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930 — 293 с.
5. *Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией / А. Ю. Давыдов. — Санкт-Петербург: Алетей, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-91419-488-5.

6. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с. — ISBN 5-7464-1320-8.
7. Елютин О. Н. Кооперация в России — невостребованный опыт / О. Н. Елютин // Вестник Московского университета. Серия 8, История. — 1998. — № 5. — С. 30—53.
8. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.
9. Николаев А. А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк / А. А. Николаев. — Новосибирск : Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2007. — 278 с. — ISBN 5-94301-045-9.
10. Семина С. А. Деятельность Иркутского кооперативного кустарно-промыслового союза (вторая половина 1920-х годов) / С. А. Семина. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. — С. 232—237.
11. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всесоюзпромсоюз; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.
12. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк : 1861—1930 / Л. Е. Файн. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2002. — 298 с. — ISBN 5-7807-0272-1.
13. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.
14. Чумак А. Ф. К вопросу о вовлечении кустарей и ремесленников в социалистическое строительство / А. Ф. Чумак // Вопросы истории — 1967. — № 7. — С. 58—67.
15. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях реализации новой экономической политики / О. В. Ягов. — Самара ; Пенза : Издательство Самарского научного центра Российской академии наук; Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, 2008. — 335 с. — ISBN 978-5-93424-385-3.
16. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет. / П. И. Яковлев — Москва : Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1957. — 51 с.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026,
одобрена после рецензирования 02.06.2026,
подготовлена к публикации 21.06.2026.

Material resources

- GAOPI VO — *The State Archive of the socio-political History of the Voronezh region. F. 1 (Voronezh Provincial Committee of the CPSU(b). Op. 1. D. 1343, 1344. (In Russ.).*
- GAVO — *The State Archive of the Voronezh region. F. R—10. (Executive Committee of the Voronezh Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies). Op. 1. D. 852, 1138, 1453; F. R—56 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Voronezh Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies. Voronezh). Op. 1. D. 2411, 2412, 2237, 3142, 3637. (In Russ.).*
- Measures for handicraft industry in connection with crop failure. (1924). *Bulletin of commercial cooperation, 10—11 (15—16): P. 21. (In Russ.).*
- Pesotsky, A. N. (1928). *Barrel production*. Leningrad: State Publishing House. 190 p. (In Russ.).
- Pryanishnikov, V. (1924). Measures of commercial cooperation. *Bulletin of commercial cooperation, 9 (14): P. 15. (In Russ.).*

- Report on the work of the Voronezh Provincial Executive Committee of the XIII convocation: to the XIV Provincial Congress of Soviets.* (1926). Voronezh: Edition of the Provincial Executive Committee. 240 p. (In Russ.).
- Starov, N. N. (1925). Handicraft industry of the Voronezh province. *Bulletin of industrial cooperation*, 3 (20): 32—35. (In Russ.).
- The work of the Voronezh city cooperation in the field of handicraft industry. (1924). *Bulletin of commercial cooperation*, 1—2 (18—19): 29—30. (In Russ.).
- Voronezh province. (1924). *Bulletin of commercial cooperation*, 12 (17): P. 26. (In Russ.).
- Voronezh Provincial Union of Credit, Agricultural and Handicraft Cooperatives (Gubkreditsoyuz): Report to the Meeting of the Union's Commissioners for the operational year 1924—25.* (1926). Voronezh: Printing House of the Gubernatorial Union. 80 p. (In Russ.).
- Voronezh Provincial Union of Credit, Agricultural and Handicraft Cooperatives (Gubkreditsoyuz): Report to the fifth Meeting of the Union's Commissioners for the operational year 1925—26.* (1927). Voronezh: Printing House of the Gubernatorial Union. 122 p. (In Russ.).

References

- Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *The struggle against capitalist elements in industry and trade in the 20s — early 30s.* Moscow: Mysl Publ. 263 p. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2020). Industrial Cooperation in Siberia at the End of the New Economic Policy (1926—1929). *Nauchnyi dialog*, 9: 298—318. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-9-298-318>. (In Russ.).
- Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for small industry cooperation.* Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).
- Chumak, A. F. (1967). On the issue of the involvement of artisans and artisans in socialist construction. *Questions of history*, 7: 58—67. (In Russ.).
- Davydov, A. Y. (2011). *Cooperators of the Soviet city during the NEP years. Between "war communism" and Socialist reconstruction.* St. Petersburg: Aleteya. 216 p. ISBN 978-5-91419-488-5. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2005). *Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the 20th century).* Kazan: Kazan University Press. 332 p. ISBN 5-7464-1320-8. (In Russ.).
- Fine, L. E. (2002). *Russian cooperation: a historical and theoretical essay: 1861—1930.* Ivanovo: Ivanovo State University. 298 p. ISBN 5-7807-0272-1. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation 1917—1927.* Moscow: Knigsoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production. In: *Historical significance of NEP: collection of scientific papers.* Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Nikolaev, A. A. (2007). *The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay.* Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 278 p. ISBN 5-94301-045-9. (In Russ.).
- Semina, S. A. (2018). *Activity of the Irkutsk cooperative handicraft Union (the second half of the 1920s).* Irkutsk: Baikal State University. 232—237. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation.* Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).

- Vasilevsky, P. I., Shlifstein, E. I. (1930). *Essays on handicraft industry of the USSR*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 293 p. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2008). *Artisanal and commercial cooperation of the Volga region in the context of the implementation of the new economic policy*. Samara; Penza: Publishing House of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. 335 p. ISBN 978-5-93424-385-3. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Industrial cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: All-Union Cooperative United Publishing House. 51 p. (In Russ.).
- Yelyutin, O. N. (1998). Cooperation in Russia — an unclaimed experience. *Bulletin of the Moscow University. Episode 8, The Story*, 5: 30—53. (In Russ.).

*The article was submitted 02.02.2026;
approved after reviewing 02.06.2026;
accepted for publication 21.06.2026.*